

*В.Н. Земцов**

VIVE L'EMPEREUR! ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ПАВШИМ ВЕЛИКОЙ АРМИИ НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

Статья посвящена истории сооружения и открытия в 1912-1913 гг. памятника солдатам Наполеона, павшим на Бородинском поле. На основе французских архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, автор анализирует действия правительств и общественных структур Франции и России, направленные на использование празднования юбилея войны для укрепления союзнических отношений двух стран. Документы свидетельствуют: инициатива реализации такого проекта исходила от российской стороны в связи с тем, что для русских события 1812 года вписывались в «память-победу», тогда как для французов это была «память-травма». Наконец, вследствие разницы в формах правления и политических режимов, а также разных моделей взаимодействия между государственными и общественными структурами, стороны проявили неодинаковую степень готовности к «мемориальному переформатированию». Впрочем, определенный исторический реванш за поражения в 1812-1814 гг. Франция уже взяла в ходе Крымской войны, и на рубеже XIX-XX вв. ее волновала травма более свежая, а именно травма франко-прусской войны. Французы уже давно отнеслись к поражению Великой армии в России как к героической трагедии, которая делает большую честь даже не тому, кто выиграл, но тому, кто проиграл, тем более что битва при Москве-реке всегда расценивалась французами как фактически безусловная победа.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, юбилей, Франция, Россия, национальная память, переформатирование памяти
DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-330-359

8 сентября¹ 1912 г. на Бородинском поле недалеко от Шевардинского редута состоялась церемония открытия временного монумента «Павшим Великой армии». Сюда к началу торжества прибы-

** Владимир Николаевич Земцов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053. «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

¹ Даты даны по новому стилю. При необходимости указывается и старый стиль.

ла французская военная миссия во главе с генералом Ф.Л.А.М. де Ланглем де Кари, объединенная делегация двух французских военно-исторических обществ «Французская память» и «Сабреташ», множество русских офицеров, более 200 членов французской колонии в Москве. Развевались российские и французские трехцветные знамена, венки устилали подножие монумента... В открытии памятника принял участие и Николай II. В тот самый момент, когда русский император уже подал сигнал к отъезду и подходил к своему автомобилю, французы, собравшиеся возле памятника, огласили воздух громогласным «*Vive l'Empereur!*», а затем повторили этот возглас вновь и вновь. «Наши соотечественники, – отметил генеральный консул Франции в Москве Валикур, – салютовали также – многие в этом признались – не только тому, кто отъезжал, но еще, и главным образом, Наполеону, победителю битвы при Москве-реке, и связывали свои клики с великим актом примирения двух народов в отношении прошлого (*à ce grand acte de rapprochement des deux peuples dans le passé*)»². В подобном же духе, но все же несколько изменив акценты, описал этот эпизод его участник полковник де Флэри: «Возглас *Vive l'Empereur* звучал долго. Признаться, я бы предпочел услышать возглас *Vive le Tsar*. На этом поле битвы и перед нашим памятником французский возглас *Vive l'Empereur* в отношении потомка Александра I звучал немного шокирующе (*détonnait un peu*). А некоторым из тех, кто был сейчас среди нас, вспомнилось, что с тем же возгласом *Vive l'Empereur*, звучащим в честь великого Императора, храбро погибали герои, которых мы только что почтили...»³

Рубеж XIX-XX вв. ознаменовался серьезными переменами в восприятии и освещении, как русскими, так и французами событий войны 1812 года. В обеих странах (особенно во Франции) вышло множество воспоминаний не только ключевых, но и рядовых участ-

² Service historique de la Défense. 1M 2360 (далее — SHD). M. de Valicourt, consul de France à Moscou à M. Poincaré, président du conseil, ministre des affaires étrangères. Moscou, le 9 Septembre 1812.

³ Dry A. (*Colonel Fleury*). Les monuments français du centenaire de 1812 et les Cérémonies de Borodino et de Moscou. P.; Nancy, 1912. P. 16. Интересно, что генерал де Лангль де Кари в официальном отчете при описании церемонии открытия памятника предпочел обойтись без явных эмоций, отметив в конце, что «его (Николая II – В.З.) отъезд, как и его приезд, был сигналом для теплых приветствий со стороны членов французской колонии в Москве» (Р. 8). Еще более сдержанным и кратким оказался отчет полковника Маттона (SHD. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint Pétersbourg, 21 September (3 Octobre) 1912).

ников этой войны, что придало образу далекой эпохи более живой, согретый теплом человеческих переживаний, характер. Этому способствовал и ввод в научный оборот больших комплексов документальных материалов⁴. Работа подобного рода, осуществленная историками, издателями и общественными деятелями, способствовала важным геополитическим переменам (впрочем, еще более очевиден был и обратный процесс, когда внешнеполитические обстоятельства стимулировали исследования и публикации того или иного рода), когда Россия и Франция начали стратегическое сближение, оформившееся в 1891 – 1893 гг. в русско-французский союз.

Заметным этапом, связанным с попытками историко-идеологического и национально-психологического подкрепления этого союза, стала 100-летняя годовщина Отечественной войны 1812 г. (Русского похода Наполеона, как предпочитали говорить французы). Обстоятельства празднования этой годовщины чрезвычайно интересны тем, что позволяют увидеть, как именно осуществлялись шаги с целью переформатирования национальной исторической памяти в интересах текущей внешнеполитической целесообразности; они дают возможность представить, сколь успешными или неуспешными оказались эти попытки, и как вели себя в этой ситуации «переформатирования» сегменты обществ(а) и государств(а), оказавшиеся задействованными в этом процессе.

Обстоятельствам подготовки и участию французской стороны в торжествах 1912 года посвятила в 2003 г. статью, основанную на документах Архива внешней политики Российской империи, Е.А. Назарян⁵. Перевел фрагмент воспоминаний одного из участников французской миссии полковника В.А. Флэри и дал обзор публикаций газеты *Temps*, посвященных открытию на Бородинском поле памятника павшим в 1812 г. солдатам Великой армии, С.Н. Хомченко⁶. Остановилась на роли барона А.О.Л.Ж. Бертелло де Бая в подготовке и участии в мероприятиях на Бородинском поле

⁴ См., например: Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813-1814 гг. М., 2012. Т. 2. С. 61-62, 67-68, 456-457, 459-461; и др.

⁵ Назарян Е.А. Участие МИД России в подготовке юбилейных торжеств 1912 г. // Бородино и Наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. Бородино, 9-11 сентября 2002 г. М., 2003. С. 404-409.

⁶ Хомченко С.Н. Французский памятник и юбилейные торжества на Бородинском поле 7-8 сентября 1912 г. в воспоминаниях полковника В.-А. Флэри // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. Материалы XIX международной научной конференции, 7-9 сентября 2015 г. Бородино, 2016. С. 57-69.

Е.М. Букреева⁷. Наконец, в 2017 г. описал, используя документы Российского государственного исторического архива, участие французских делегаций в бородинских торжествах Е.А. Бочков⁸. Между тем главный комплекс документов, раскрывающий внутреннюю механику подготовки Парижа к юбилейным событиям в России и специфику восприятия французской стороной того, что происходило в ходе торжеств, до сих пор не введен в научный оборот⁹. Это обширное дело, состоящее из почти тысячи документов, хранится в фондах архива Исторической службы Министерства обороны Франции¹⁰. Наряду с обширной делопроизводственной документацией, оно содержит ряд важных отчетов – консула Франции в Москве Ш.М.С. де Валикура¹¹, главы французской военной миссии дивизионного генерала Ф.Л.А.М. де Лангля де Карри¹² об участии в российских торжествах 1912 г., отчеты военного атташе (военного агента) Франции в Санкт-Петербурге полковника Маттона о визитах на Бородинское поле, и др.¹³ Наряду с этими документами архива Исторической службы Министерства обороны Франции мы обратились и к ряду других материалов, раскрывающих нашу тему¹⁴.

⁷ Букреева Е.М. Исследовательские поездки барона де Бая в Бородино // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: материалы междунар. науч. конф. Бородино, 2015. С. 74-90.

⁸ Бочков Е.А. «В интересах поддержания наших сердечных отношений с Францией...» Участие французских делегаций в мероприятиях, посвященных столетию Бородинского сражения в 1912 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2 (14). С. 232-255; № 3 (15). С. 174-182. См. также: *Он же*. Памятник «Aux morts de la Grande Armée» на Бородинском поле сражения: история создания и установки // Военная история России XIX-XX веков. Материалы VIII международной военно-исторической конференции. СПб., 2015. С. 149-164.

⁹ Французский исследователь из Монпелье Эмиль Керн является единственным, кто упомянул о наличии этих материалов (*Kern E. Les commémorations de la réconciliation entre la France et la Russie (1812-2012). Saint-Denis, 2014. P. 109*), но и он не нашел возможности их использовать, предпочтя обратиться к опубликованным материалам.

¹⁰ SHD. 1M 2360.

¹¹ Ibid. M. de Valicourt, consul de France à Moscou, à M. Poincaré, président du conseil, ministre des affaires étrangères. Moscou, le 9 septembre 1912.

¹² Ibid. Le Général de Division de Langle de Cary, Commandant le 8me Corps d'Armée, Chef de la Mission officielle Française en Russie, à Monsieur le Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée – 2me Bureau). Bourges, le 12 Octobre 1912.

¹³ Ibid. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint-Petersbourg, 3(16) Mars 1912; Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint-Petersbourg, 12(25) Mai 1912.

¹⁴ Dry A. (*Colonel Fleury*). Op. cit.; Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1-2; и др.

Документы архива Исторической службы Министерства обороны Франции определенно свидетельствуют, что начальный импульс, который предопределил участие французских делегаций в юбилейных торжествах в России в 1912 г., исходил от российской стороны, а именно, от генерал-майора Н.Н. Бернацкого, возглавлявшего Виленский кружок ревнителей памяти истории 1812 года. В середине августа 1911 г. Бернацкий встретился с полковником Маттоном, который, в свою очередь, отправил в этой связи рапорт в Военное министерство¹⁵.

В том же месяце в Военное министерство Франции поступил рапорт капитана Генерального штаба де Ренти (Renty), проходившего в 1910 г. стажировку в пехотных частях русской императорской армии. В приложении к рапорту Ренти сообщал, что начиная с октября 1910 г. в России идет на самом высоком уровне подготовка к 100-летию событий 1812 г., в ходе которой планируется сооружение монументов и «в память Великой армии»¹⁶.

В декабре 1911 г. русская секция 2-го бюро Генерального штаба французской армии проанализировала материал, который поступил на предмет празднования столетия 1812 года в России. В двух специальных аналитических записках сообщалось, что наиболее значительные торжества решено проводить на поле битвы при Москве-реке (Бородино). Само же поле приводится в надлежащий порядок, прокладываются дороги к многочисленным памятникам, два из которых, в частности, будут расположены «на Шевардинском редуте, и которые будут идентичны: слева – русским, с надписью по-русски, справа – французам, с надписью по-французски; этот редут был сооружен 5 августа (так в тексте – В.З.) на главной позиции русских, а затем стал главной французской позицией, на которой в конечном итоге встала Главная квартира Наполеона. Два сходных между собою монумента будут равным образом размещены на месте батареи французского генерала Сорбье»¹⁷.

К январю 1912 г. политическое и военное руководство Франции окончательно принимают решение участвовать в тех мероприятиях, которые готовятся в России по случаю 100-летия войны 1812 года. Очевидно, что на это решение повлиял ряд факторов, главным из

¹⁵ SHD. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint-Petersbourg, le 5/18 Août 1911.

¹⁶ Ibid. Ministère de la Guerre. Bordereau d'envoi. Paris, 31(?) Août 1911.

¹⁷ Ibid. Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Section russe. Russie. Centenaire de 1812. Paris, Décembre 1911.

которых был фактор военно-политический. Союз с Россией рассматривался Парижем как важнейший элемент внешнеполитической стратегии перед лицом роста, прежде всего, но не только, германской угрозы. Вместе с тем, в Париже хорошо осознавали всю деликатность ситуации. Франция и Россия имели не только разную форму правления, но и разные политические режимы. Впрочем, в этом плане было и нечто общее, а именно политическая и общественная нестабильность (многочисленные кризисы и скандалы во Франции, самыми громкими из которых было дело Дрейфуса и «Панама», и Первая русская революция 1905-1907 гг. в России), заставлявшие политические элиты обеих стран систематически прибегать к кампаниям, имевшим целью нагнетание военной экзальтации среди широких масс населения. Заметную роль в этом играли целенаправленные экскурсии государственных, а нередко и общественных структур в национальное военное прошлое. Но главный момент деликатного свойства заключался в том, что Париж должен был участвовать в торжественных мероприятиях, прославлявших славу русского оружия и народный подъем против общеевропейской армии французского императора, потерпевшего в 1812 г. сокрушительное поражение. Парадоксальность ситуации усиливалась еще и тем, что во Франции времен Третьей республики, возникшей на руинах Второй империи, не было принято восхвалять Наполеона (ни Первого, ни Третьего), тогда как в России этот исторический персонаж пользовался не только почетом, но и подлинной народной любовью. Все эти обстоятельства и предопределили специфику подготовки и участия Парижа в юбилейных торжествах в России. Главным мероприятием должно было стать открытие памятника павшим солдатам Великой армии на Бородинском поле.

В марте 1912 г. Маттон приступил к изучению вопроса о том, где именно можно будет установить этот памятник. 16 марта он сообщил в Военное министерство, что, согласно ответам на запросы, которые он сделал, «наиболее благоприятным местом для установления нашего памятника является то место, где Наполеон находился во время сражения, перед Шевардинским редутом». Хотя, отметил он далее, это место «имеет свой недостаток», поскольку, как говорят, «в настоящее время оно заросло лесом, как и сам Шевардинский редут»¹⁸. В начале апреля Маттон отправил

¹⁸ Ibid. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint-Petersbourg, 3(16) Mars 1912.

инструкции капитану Марешалю (Marchal), проходившему стажировку в войсках московского гарнизона, для осмотра Бородинского поля. Однако «через два дня сам отправился в Москву». Капитан Марешаль представил его командующему Московским военным округом генералу от кавалерии П.А. Плеве, его начальнику штаба генерал-лейтенанту Н.И. Протопопову и московскому губернатору В.Ф. Джунковскому. В своем рапорте Маттон писал: Джунковский, «как высший по должности, решает все вопросы с землей и сооружением памятника, обещал мне сделать все, что в его силах, для облегчения нашей задачи». Джунковский организовал поездку французских офицеров на Бородино и в качестве сопровождающего дал своего адъютанта. «После осмотра местности, которая все еще была покрыта снегом, – сообщал Маттон, – я согласился с губернатором в отношении выбора места для монумента. Сам Шевардинский редут не подходил, русское правительство очень хочет восстановить его таким, каким он был в 1812 году. Место, которое занимал Наполеон во время сражения, тоже должно быть отвергнуто, поскольку полностью закрывается со стороны поля битвы деревьями, растущими на высоте, расположенной на небольшом расстоянии впереди, и которая закрывает откос со стороны оврага. Место, выбранное для монумента – как раз на этой высоте; оно расположено почти в 500 метрах к северо-востоку от Шевардинского редута. С него прекрасно видно поле битвы». Джунковский заверил Маттона, что вопрос с землеотводом он решит. Маттон перепоручил капитану Марешалю окончательное решение вопроса о месте возведения памятника.

Тем временем во Франции продолжался сбор средств на возведение памятников солдатам Великой армии, павшим в России. По утверждению полковника Флэри, в конечном счете, было собрано 60 тыс. франков¹⁹. В каменоломнях Сан-Фага в Бургундии готовили гранитную пирамиду общим весом в 45 тыс. кг для памятника на Бородинском поле. 2-е бюро Генерального штаба предложило Артиллерийскому департаменту изыскать необходимое для отливки орла количество «старой бронзы»²⁰.

¹⁹ Dry A. (*Colonel Fleury*). Op. cit. P. 5.

²⁰ SHD. Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Minute. 3me Direction. Paris, 11 Avril 1912. На отливку орла потребовалось 1500 кг бронзы. Следует отметить, что в отношении выделения средств на изготовление памятников в России само Военное министерство по решению от 25 января выделило только 2 тыс. франков (SHD. Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Minute. Note pour la Direction du Service de Santé. 27 Janvier 1912).

В России полковник Маттон занялся решением многочисленных вопросов, связанных с транспортировкой французского памятника на место его установки и выкупа под памятник земли в 50 квадратных саженьей. Благодаря помощи генерала Джунковского и Можайского исправника Краковского (?) первоначально достаточно быстро удалось убедить местных крестьян уступить землю за 120 рублей. Однако вскоре крестьяне потребовали увеличить сумму до 150 рублей. Наконец, понадобились еще расходы на составление плана межевания в 40 рублей. Маттон договорился также с инженером Перпиньяни (Perpignani), представившим в Москве дом «Верне и Ко», насчет выполнения работ по доставке гранитных блоков на Бородинское поле и установке их на подготовленном для памятника месте. Как явствует из документов, большую помощь Маттону оказывали представители французской колонии в Москве. Наконец, 31 июля (ст.ст.) администрация Московско-Брестской железной дороги уведомила французов (по-видимому, через капитана Марешаля) о готовности осуществить перевозку блоков «по запасному пути (par la voie de garage)» к Шевардино²¹.

Однако еще 8 июля полковник Маттон, который осуществлял координацию действий по сооружению памятников павшим Великой армии в России, вынужден был доложить в Военное министерство, что монумент, который планируется открыть на поле битвы при Москве-реке, к назначенному сроку, то есть к 26 августа (8 сентября), не может быть завершен. Если работы в России (закладка фундамента и сооружение насыпи) и будут закончены, то гранитные блоки и бронзовый орел, которые готовятся во Франции, не смогут быть доставлены вовремя. Маттон предложил процедуру открытия монумента свести к закладке первого камня. Что же до памятников, которые предполагалось возвести в Смоленске и Вильно, то рекомендовалось сделать это в следующем году²². Полагаем, что этот документ, как и ряд других мате-

²¹ Ibid. Matton - ? Saint-Petersbourg, 9(22) Juillet 1912; Monument de Chevardino á elever aux morts de la Grande Armée de 1812 (документ представляет собой своего рода справку, подписанную, по-видимому, вице-консулом в Москве Валикуром); Note de M. Perpignani, ingénieur de la Maison Vernet et Co de Moscou. Copie. S.l., s.a.; Заместитель директора Московско-Брестской железной дороги - ? (M. le Capitaine). Б.м., 31 июля (ст.ст.) 1912 г.

²² Ibid. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Paris, 8 Juillet 1912. Письмо помечено не Санкт-Петербургом, а Парижем. Возможно, что это не ошибка. Маттон, осуществляя координацию действий между российскими властями, Военным министер-

риалов из архива Исторической службы Министерства обороны Франции определенно опровергают имеющую широкое хождение легенду о том, будто муляж памятника павшим Великой армии на Бородинском поле был возведен в 1912 г. по причине того, что гранитные блоки, для него предназначавшиеся, затонули вместе с кораблем «Курск» в районе пролива Каттегат. Эти два события не были между собой связаны напрямую, в отличие от того, как это стало интерпретироваться в прессе, а затем и в легендах.

22 июня 1912 г. военный министр Франции А. Мильеран в докладе премьер-министру Р. Пуанкаре особо подчеркнул следующее: «Наше участие в этих торжествах должно быть ограничено исключительно аспектом почитания наших павших (*Notre participation à ces fêtes conservers ainsi le caractère d'un hommage rendu à nos morts*)». Мильеран предложил, чтобы во главе французской делегации был генерал де Лангль де Кари (*de Langle de Cary*), командир 8-го армейского корпуса. Имена же еще двух офицеров военный министр готов был назвать позже²³. 10 июля Мильеран уведомил о том, что на открытии монумента павшим в 1812 г. будут представлены, помимо генерала де Лангля де Кари, майор (шеф эскадрона) артиллерии Бюа (*Vuat*), офицер штаба военного министра, и капитан пехоты де Ренти (*de Renty*), офицер штаба 66-й пехотной бригады²⁴.

В середине июля на стол Мильерана легла аналитическая записка по поводу предстоящих в России торжеств и участия в них французских представителей. В записке констатировалось, что все мероприятия, готовящиеся в России к 100-летию войны 1812 г., нацелены на то, чтобы способствовать «возбуждению национальных чувств русских». Однако это не означает, говорилось далее, что Россия связывает подобное с желанием продемонстрировать антифранцузские настроения, но, напротив, с укреплением франко-русского альянса. Вместе с тем, «многие русские», отмечалось в записке, выражают недоумение, видя, что Франция ничего не делает для увековечения памяти своих павших. Согласно официальным русским изданиям, предполагается сооружение двух монументов: одного – русским, другого – французам с надписью

ством Франции и комитетами (французским и российским) по возведению монументов, мог ненадолго посетить и Париж.

²³ Ibid. Le Ministre de la Guerre – le President du Conseil. Paris, 22 Juin 1912.

²⁴ Ibid. Le Ministre de la Guerre – le Ministère des Affaires étrangères. Minute. Paris, 10 Juillet 1912.

на французском языке на месте Шевардинского редута, а также двух одинаковых памятников на «батарее Сорбье». Для участия Франции в торжествах в России необходимо получить от русских официальное приглашение. В состав делегации (делегаций) включить персон высокого ранга, а также представителей от обществ «Французская память» и «Сабреташ». Рекомендовалось активно задействовать французского военного атташе в Санкт-Петербурге и тех офицеров, которые проходят стажировку в русской императорской армии, а также использовать возможности барона де Бая²⁵.

Официальное приглашение от российских властей на юбилейные торжества, направленное через аппарат МИД на имя Р. Пуанкаре, вскоре было отправлено. Позже, а именно 20 июля (2 августа), Николай II по докладу министра иностранных дел С.Д. Сазонова принимает решение пригласить также и представителей «Французской памяти» и «Сабреташ»²⁶.

К 25 августа генеральный консул Франции в Москве Валикур представил Пуанкаре отчет о готовности к отправке в Россию двух французских делегаций: военной делегации во главе с дивизионным генералом де Ланглем де Кари и объединенной делегации «Французской памяти» и «Сабреташ» во главе с дивизионным генералом Ф.Ф.Ж. Лебоном²⁷. Валикур отметил, что обе делегации приглашаются императором, поэтому все вопросы с их пребыванием будут решаться министром Двора, и при них будут состоять 4 офицера Генерального штаба. Сам император заявил о готовности присутствовать на той части церемонии открытия памятника на Бородинском поле, которая будет носить религиозный характер. В Москву уже прибыли 25 ящиков с венками от французских полков для возложения к монументу. Валикур счел долгом написать, что гранитные блоки для памятника не могут быть доставлены к сроку. Поэтому французский Комитет в Москве согласовал с ним, генеральным консулом, решение соорудить из дерева муляж

²⁵ Ibid. Ministère de la Guerre. Minute. Note pour M. Le Ministre de la Guerre. Paris, s.a; Ministère de la Guerre. Le Cabinet du Ministre (2me Bureau) à État-Major de l'Armée, 2me Bureau) et Section Historiques. Bordereau d'envoi. Paris, 17 Juillet 1912.

²⁶ Бочков Е.А. Указ. соч. С. 237.

²⁷ Как известно, генерал Лебон должен будет представлять Францию на похоронах японского императора Мэйдзи (Муцухито), умершего 30 июля 1912 г. Поэтому объединенную делегацию двух французских военно-исторических обществ возглавит дивизионный генерал в резерве Л.-Ж.-Ж. де Торси (de Torcy), который в чине полковника во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. находился при русской армии и получил медаль за взятие Плевны.

монумента, который по форме, по цвету и по надписи на нем будет походить на настоящий памятник. На вершине будет водружено временное изображение орла, сделанное в Москве и составленное из двух частей. Генеральный консул воспроизвел текст приглашения по случаю открытия монумента в честь павших Великой армии, который был одобрен генералом Лебоном, отметив при этом, что в той части текста, где дается название сражения («...sur le champ de bataille de la Moskowa (Borodino) le dimanche 26 Août – 8 Septembre 1912 à 4 heures de soir»), он, Валикур, предлагал убрать упоминание имени «Бородино», ибо «именно Москва-река (la Moskowa) является страницей нашей национальной истории»²⁸.

30 августа обе французские делегации отбыли поездом из Парижа и 31-го прибыли в Берлин. Генерал де Лангль де Кари с удовлетворением отметил в своем отчете, что пребывание в германской столице заняло не более 24 часов²⁹. 1 сентября миссия отправилась в Петербург на поезде, в котором ехал и вел. кн. Михаил Михайлович. Когда поезд прибыл на станцию Веселово и предстояло дожидаться поезда до Петербурга, Михаил Михайлович, как отметил в отчете де Лангль де Кари, весьма радушно пригласил членов французских делегаций расположиться в зале, специально для него зарезервированном. 2 сентября, после полудня, французские делегации были уже в Санкт-Петербурге, где их на вокзальной платформе встречали полковник Маттон и полковник Я.Д. Юзефович из русского Генерального штаба. Три дня – 3, 4 и 5 сентября – были заполнены у членов делегаций визитами во французское посольство, к военному и военно-морскому министрам, ключевым фигурам императорского Двора. С большим удовлетворением де Лангль де Кари отметил знакомство делегаций с князем А.Г. Романовским, герцогом Лейхтенбергским, потомком принца Евгения Богарне, и почетным президентом французского Комитета по воздвижению памятника павшим воинам Великой армии на Шевардине. Французский посол Жорж Луи дал в честь французов обед, на котором присутствовал военный министр В.А. Сухомлинов, официально принявший делегации уже на следующий день. В отчете французского генерала была отмечена «особая сердечность», проявленная Сухомлиновым по отношению к парижским посланникам³⁰.

²⁸ SHD. Le Consul général de France à Moscou à M. Poincaré, président du conseil, ministre des affaires étrangères. Moscou, 25 Août 1912.

²⁹ Ibid. Le Général de Division de Langle de Cary...P. 2.

³⁰ Ibid. P. 2-3.

6 сентября в 9 утра, специальным поездом, французские делегации были доставлены из Петербурга на вокзал станции Бородино. Вместе с французами в вагонах поезда были адъютанты императора Николая II. В течение всей поездки между французами, в особенности военными, и русскими офицерами поддерживались самые сердечные отношения. Полковник К.А. Нарышкин, помощник начальника Военно-походной канцелярии императора, будучи начальником поезда, «с большим тактом обеспечил контакты между офицерами двух стран». Незадолго до полудня на станцию Бородино прибыл поезд с императором Николаем II. По окончании обхода всех его встречавших, император отбыл в Ставку, расположенную примерно в 2 верстах, недалеко от Главного монумента, и соединенную со станцией Бородино специально проложенной временной железнодорожной веткой.

Вскоре после полудня французские делегации на автомобилях были доставлены к т.н. Инвалидному домику, располагавшемуся недалеко от Главного монумента и недавно заново отстроенному. Здесь французы должны были быть представлены императору. Сама дорога, идущая от станции Бородино к Главному монументу, не могла не произвести на них впечатления. Полковник Флёрри написал об этом так: «А по всей длине этой дороги, с каждой стороны, – памятники и могилы. Здесь – памятник генералу Неверовскому; там – памятник некоему полковнику; еще далее – стелы, воздвигнутые в честь полков или батальонов... В общем, эта дорога могил напоминает Священную дорогу в Риме, и вызывает такое же болезненное и мучительное чувство»³¹.

Ближе к Курганной высоте «вокруг, насколько хватало взгляда, построились в пешем порядке части, которые принимали участие в битве при Москве-реке» (де Лангль де Кари). Было видно, как государь на лошади проводил осмотр войск. Императрица и наследник ехали за ним в коляске, запряженной цугом. После осмотра царский кортеж приблизился к Инвалидному домику. Вначале Николай II побеседовал с ветеранами и современниками событий 1812 года, находившимися в саду, затем вошел вовнутрь, осмотрел выставку, которая там была развернута, выпил чаю и, наконец, вместе с императрицей вышел в сад, где обер-церемониймейстер барон П.П. Корф «представил их величествам дам, входивших в состав французских депутаций, и всех членов оных.

³¹ Dry A. (*Colonel Fleury*). Op. cit. P. 10.

Беседа их величеств с членами депутаций продолжалась около получаса...», – так вспоминал этот эпизод Джунковский³². «По окончании смотра состоялось представление официальной миссии и делегации “Французской памяти” императору, затем император адресовался к каждому из нас», – писал в отчете де Лангль де Кари³³. «В сердечности приема, которого мы были удостоены Их величествами, чувствовалось, что присутствие наших представителей желанно и ожидаемо. Для всех были найдены изысканные и теплые слова», – писал полковник Флёр³⁴.

Беседа императора и императрицы с французскими делегациями была прервана прибытием к Инвалидному домику крестного хода с иконой Смоленской божьей матери «Одигитрии». Полковник Флёр, пораженный необычным для него зрелищем, написал так: «”Великая Смоленская Богородица (Vierge de Smolensk)”, огромная и высокочтимая икона, которую несут сорок солдат, выдвигается на равнину, чтобы далее взойти на вершину к памятнику. Ее сопровождает митрополит Московский, более чем тридцать епископов в торжественных одеяниях, многочисленное духовенство, несущее хоругви и иконы, горящие золотом. Это видение византийского Востока во всем его магическом блеске»³⁵. Государь, государыня, их дети, свита и члены французских депутаций вышли навстречу иконе. В.Ф. Джунковский описал последующую сцену, которую явно с любопытством и некоторым удивлением наблюдали французы, так: «Крестный ход остановился; митрополит Владимир, подойдя к Государю, приветствовал его краткой речью. Выслушав приветствие, их величества и высочества, поцеловав крест и приняв окропление святой водой, приложились к чудотворной иконе. Войска взяли “на молитву”, хоры музыки заиграли “Коль славен”, крестный ход повернул к бородинскому памятнику, их величества с особами императорского дома и лицами свиты последовали за ним, идя непосредственно за иконой»³⁶. Французов «пригласили следовать сразу после великих князей, с императорской свитой, в процессии Богоматери Одигитрии (la Vierge Odigitri), чудодейственной иконы, которую пронесли перед фронтом войск так, как это было в свое время в сражении при

³² Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 26.

³³ SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 5.

³⁴ Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit. P. 11.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 26.

Бородино», – написал в своем отчете де Лангль де Кари³⁷. На Курганной высоте, недалеко от Главного монумента и того места, где пал 7 сентября 1812 г. генерал О. Коленкур, члены французских делегаций отстояли панихиду по императору Александру I и павшим в Отечественную войну русским воинам. «При возглашении вечной памяти их величества и все присутствующие, – вспоминал В.Ф. Джунковский, – опустились на колени». Надо полагать, то же пришлось сделать и гостям из Франции. Затем икона, вслед за которой шествовал государь и свита, среди которой были и французы, в течение более часа стала обноситься по фронту выстроившихся войск. «Войска держали ружья “на молитву”, хоры играли “Коль славен”. На всех флангах находились начальники частей»³⁸.

В связи с отсутствием в окрестностях Бородинского поля не только гостиниц, но даже и постоянных дворов все высокие участники торжеств, в том числе представители Франции, были размещены на ночлег в вагонах первого класса. Там же, в поездах, в вагонах-ресторанах было организовано питание.

Утро 8 сентября началось для французских участников праздника с вручения полковником Нарышкиным от имени императора наград и памятных подарков. Генерал де Лангль де Кари был удостоен Большого креста ордена Белого орла. Майор Бюа, который был уже кавалером ордена Св. Станислава 2-го класса, получил крест ордена Св. Анны 2-й степени. Капитан де Ренти, имевший орден Св. Анны 3-го класса, был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Все мужчины, входившие в объединенную делегацию «Французской памяти» и «Сабреташ», также были отмечены наградами разного достоинства, в то время как дамам от имени императрицы были вручены ювелирные изделия с императорскими воинскими атрибутами. Кроме того, каждый из членов двух миссий получил, помимо наград, памятную медаль с изображением Александра I, отчеканенную в связи со 100-летием войны 1812 г.³⁹

Торжества 8 сентября были открыты литургией в соборе Спасо-Бородинского монастыря, после чего от монастыря к Главному монументу на батарее Раевского начался крестный ход. На протяжении полутора верст на всем пути стояли «в безукоризненном порядке, обнажив головы, в благоговейном молчании» (В.Ф. Джун-

³⁷ SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 5.

³⁸ Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 28.

³⁹ SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 5.

ковский) толпы народа. Оркестры исполняли «Коль славен». Среди участников крестного хода, «заняв одно из первых мест» (де Лангль де Кари), двигались и члены французских миссий. На Курганной высоте, обрамляя Главный монумент, были выстроены в четыре линии войска, за ними и у Инвалидного домика – стояли толпы народа. После установки иконы Смоленской Божьей матери Одигитрии в походной церкви Александра I, разбитой недалеко от Главного монумента, вновь «началось благодарственное молебствие с коленопреклонением в память избавления от нашествия двенадцати языков» (В.Ф. Джунковский). Раздавался салют из батареи из восьми орудий, со всех церквей доносился колокольный звон. Служба завершилась в начале первого часа. После обхода памятника и могилы П.И. Багратиона Николай II, сев на лошадь, начал осмотр «частей всех тех войск, которые представили делегации от полков-участников 1812 года. Члены французской военной миссии также были посажены на лошадей и в составе свиты императора стали участниками этого осмотра («За Государем следовала блестящая свита, среди них выделялись французские генералы и офицеры» (В.Ф. Джунковский)). Однако еще до его окончания смотра они возвратились к Главному монументу, дабы возложить к его подножию серебряный венок от имени французской армии. Генерал де Лангль де Кари дал подробное описание этого венка. Он состоял из двух веток – лавровой и дубовой, образующих круг диаметром примерно метр, соединенных внизу узлом с надписью «Русским, павшим за Родину – 1812 – французская армия (Aux Russes tombés pour la Patrie – 1812 – L'Armée Française)». Сверху венка была сделана корона, покоившаяся на подушке из черного велюра, окаймленная серебряными ленточками. К короне были подвешены ленты национальных цветов. Согласно специальному распоряжению императора, этот венок был размещен перед всеми остальными, что, как заметил де Лангль де Кари, отнюдь не общепринято⁴⁰. Помимо венка от французской военной делегации, французами были возложены венки «от французского Комитета 1812 года, французского Сената, французской Палаты депутатов, Парижской политехнической школы, Сен-Сирской школы и муниципалитета Парижа»⁴¹.

«В то время как готовится парад, генерал де Лангль спешивается, – описывает эту сцену полковник Флёрри. – Сопровождаемый

⁴⁰ SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 6.

⁴¹ Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 30-31.

генералом Торси и всеми нами, он медленно поднимается на холм к русскому монументу. Солдаты за нами несут венки, привезенные из Франции: от французской армии русской армии, от Сената и Палаты депутатов, от нашего комитета, от школы Сен-Сир, от Политехнической школы, и т.д. Все взгляды, и из императорского окружения, и их полков, и из огромной толпы, которая заполнила равнину, сосредоточены на нашей маленькой группе французов, и эта сцена – сцена высокого и великодушного военного братства, – весьма впечатляет всех участников»⁴².

После объезда войск император принял парад, во время которого разместился непосредственно рядом с французскими делегациями, «зрительно оказывая тем самым честь нашей нации»⁴³. Затем состоялся «завтрак для лиц, приглашенных на торжества, потомков участников Бородинского сражения и начальников отдельных частей» (В.Ф. Джунковский). «И вновь два французских генерала (имеются ввиду де Лангль де Кари и де Торси – В.З.) заняли особые места за столом в непосредственной близости от стола императорской фамилии»⁴⁴.

По окончании завтрака, когда император начал объезд Бородинского поля и осмотр многочисленных монументов, французская миссия направилась в сторону Шевардинского редута, недалеко от которого был воздвигнут временный памятник павшим Великой армии. Французским делегациям «было объявлено о визите императора к концу дня к нашему французскому монументу, и это благородное почтение, проявленное к героям Великой армии, должно стать венцом благочестивых церемоний в Бородино», – отметил полковник Флёр⁴⁵. Вместе с французскими делегациями к памятнику прибыли князь А. Романовский, герцог Лейхтенбергский, председатель Совета министров В.Н. Коковцов, военный министр Сухомлинов, московский губернатор Джунковский, множество русских генералов и офицеров. Прибывшие увидели окружившую временный монумент плотную толпу, состоявшую из более чем двухсот членов французской колонии в Москве во главе с П. Жиро, приехавших сюда специальным поездом. Полтора десятка молодых людей из числа «московских французов» держали в руках «огромные трехцветные флаги французских и русских цве-

⁴² Dry A. (*Colonel Fleury*). Op. cit. P. 12-13.

⁴³ SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 7.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Dry A. (*Colonel Fleury*). Op. cit. P. 13.

тов: прелестное и живое оформление, весьма удачно подготовленное нашими друзьями из московского комитета», – отметил Флёрри⁴⁶. Хотя сам «монумент был временной постройки, – записал в отчете генерал де Лангль де Кари, – но по форме он был таким же, каким должен быть после завершения, в виде пирамиды, воздвигнутой над насыпью и увенчанный бронзовым орлом. На пирамиде была простая надпись: “Павшим Великой армии – 1812 (Aux morts de la Grande-Armée 1812)”. Эта насыпь, на которой стоял памятник, была покрыта венками от многих французских полков. В этот момент (когда де Лангль де Кари подходил – В.З.) русская армия возлагала прекрасный серебряный венок»⁴⁷.

Аббат Видаль (Vidal), кюре церкви св. Людовика в Москве, начинает религиозную службу – он «торжественно дает отпущение грехов с помазанием и молится за мертвых. Все мы переживаем чудовищную драму 1812-го. Сердца сжимаются, а некоторые глаза увлажняются...» – проникновенно написал о тех минутах полковник Флёрри⁴⁸. После этого на деревянный помост, сооруженный около памятника, всходит генерал де Торси и от имени Комитета по сооружению монумента первым произносит речь, в которой не только напоминает о исторических событиях 100-летней давности, но и подчеркивает то, что «жестокие воспоминания о прошлом не могут еще больше не привязать сердца обеих наций друг к другу, и руки их сплетутся над могилами павших, которые будут напоминать нам вовек о героизме, самоотречении и патриотической преданности солдат двух наших армий»⁴⁹. В выступлении А. Терно-Компана, прозвучавшем от имени общества «Сабреташ», было сказано о том, что французские представители «пришли сюда – на эту гостеприимную и дружественную землю – дабы вверить защиту наших павших чести наших союзников»⁵⁰. В речи полковник Флёрри от имени общества «Французская память» также не преминул отдать дань уважения «героизму русских» и выразил благодарность «русскому императорскому правительству», которое обратилось к памяти «о тех колоссальных столкновениях, которые потрясли в 1812 году народы Запада и славянский мир»⁵¹.

⁴⁶ Ibid. P. 13-14.

⁴⁷ SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 7.

⁴⁸ Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit. P. 14.

⁴⁹ Ibid. P. 21.

⁵⁰ Ibid. P. 30.

⁵¹ Ibid. P. 33.

«Полная общность царила между публикой и ораторами. И я должен добавить, – писал полковник Флэри, – что высокие русские персоны, которые нас окружали, в этот незабываемый час полностью одобряли то высокое почтение, которое оказывалось нашим героям...»⁵². «Великий дух патриотизма и братства по отношению к нашим союзникам охватил наших соотечественников и всех, кто представлял здесь два народа, которые выражали друг другу свидетельства пламенной симпатии», – вторил Флэри генеральный консул де Валикур⁵³.

Как только де Валикур произнес в заключение запланированных выступлений несколько слов, показался императорский кортеж. Императора сопровождали великие князья и охрана. В сотне метров от памятника Николай II вышел из автомобиля и двинулся в окружении свиты к собравшимся вокруг монумента. Император пожал руки нескольким генералам, офицерам, членам французских делегаций, генеральному консулу Валикуру, произнося при этом слова приветствия, и занял место в центре собравшихся, лицом к памятнику. Свита императора разместилась позади него полукругом⁵⁴. Тотчас генерал де Торси, обращаясь к Николаю II, произнес краткое приветствие, выражая в нем радость видеть «новое доказательство того, что сын императора Александра III унаследовал доверие, проявленное ранее его знаменитым отцом к бывшим противникам, которые никогда, как уже было сказано, не были врагами – и Франция счастлива присоединить свое имя к демонстрации благодарности и уважения, которыми она любит окружать память высокочтимого основателя союза России и Франции»⁵⁵.

Аббат Видаль начинает повторную службу, отпуская грехи, молясь за усопших и благословляя памятник. «Очень собранный и, кажется, очень тронутый, с непокрытой головой, царь слушает латинские молитвы и печальное пение *Miserere*⁵⁶».

В своей брошюре полковник Флэри не удержался, чтобы не привести цитату из статьи г-на Ажалъбера (Ajalbert), напечатан-

⁵² Dry A. (*Colonel Fleury*). Op. cit. P. 14.

⁵³ SHD. M. de Valicourt, consul de France à Moscou à M. Poincare, président du conseil, ministre des affaires étrangères. Moscou, le 9 Septembre 1812.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Dry A. (*Colonel Fleury*). Op. cit. P. 15.

⁵⁶ Miserere (лат. Помилуй), переложение пятидесятого псалма Псалтири. Как тут не вспомнить другую сцену, когда Александр III, также с непокрытой головой, слушал в июле 1891 г. в Кронштадте «Марсельезу».

ную в *Journal* 21 сентября: «Ни звука на вековом поле битвы, кроме французских голосов священника и его псаломщиков, стоящих на этом деревянном помосте, украшенном трехцветной тканью. И эта смиренная служба под первыми звездами, в блеске заходящего солнца этих дней, отбрасывающего золото и огонь, на этом ярком и одновременно мерцающем фоне – сие создавало в высшей степени волнующий и в высшей степени горестный контраст»⁵⁷.

По окончании службы генерал де Торси преподнес императору золотую медаль с изображением памятника, выбитую в честь происходящей церемонии, а затем предложил подписать протокол открытия этого монумента⁵⁸. Затем протокол подписали великие князья, а на обороте – ряд членов французских делегаций, первым из которых поставил подпись А.Г. Романовский, герцог Лейхтенбергский, личность которого как бы связала не только два комитета – французский и русский – по сооружению памятника, но и воспринималась как своего рода символ нерасторжимого единства русской и французской элит и их памяти о событиях 100-летней давности⁵⁹.

Отдав дань уважения павшим Великой армии, Николай II пешком отправился на Шевардинский редут, осмотрел его, постоял возле сооруженного на нем памятника русской 3-й гвардейской артиллерийской бригаде⁶⁰. Когда Николай II, возвращаясь с Шевардинского редута, подходил к своему автомобилю, дабы отбыть в Ставку, французы, собравшиеся возле памятника павшим Великой армии, огласили воздух громогласным «Vive l'Empereur!», а затем повторили этот возглас снова и снова⁶¹.

Тем же вечером 8 сентября поезд, в котором французские миссии пребывали в течение трех дней, отбыл в Москву. Им предстояло еще участие в иных многочисленных мероприятиях, связанных со 100-летием войны 1812 года.

Подводя итоги своего визита в Россию, французы не могли не отметить особую теплоту и внимание, с которыми их принимали. «...мы убедились в том, – писал полковник Флёр, – что наши со-

⁵⁷ Dry A. (*Colonel Fleury*). Op. cit. P. 15.

⁵⁸ Текст протокола см.: Ibid. P. 15-16. Флёр отмечает, что этот протокол в виде «роскошного альбома» будет помещен в Музей Армии парижского Дома Инвалидов.

⁵⁹ Напомним, что князь Александр Георгиевич Романовский, 7-й герцог Лейхтенбергский, являлся потомком (правнуком) Евгения Богарне, 1-го герцога Лейхтенбергского.

⁶⁰ Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 37.

⁶¹ Dry A. (*Colonel Fleury*). Op. cit. P. 16.

юзники продолжают относиться к нам с прежней сердечностью, с тем же искренним, как и ранее, желанием сохранить с нами дружбу. Грандиозные и волнующие церемонии, на которых мы имели честь присутствовать в первых рядах, определенно вызвали между представителями двух армий новые симпатии, которые преумножились с тех пор, как великий князь Николай был во Франции; и теперь, за эти несколько дней, в ходе того приема, который мы получили на Бородино и в Москве, эти симпатии поднялись на достойную высоту». В ходе чествования памяти героев прошлого произошло «еще более тесное и доверительное сближение двух великих наций, которые оказались в состоянии забыть за то время, которое уже прошло, и время немалое, свое прежнее соперничество, дабы размышлять теперь только об общих надеждах на день завтрашний»⁶².

Не менее определенно высказался в своем отчете де Лангль де Кари: «Подводя итоги, следует отметить, что миссия была объектом внимания в высшей степени предупредительного и в то же время лестного; очевидно, что император, министры, члены их фамилий, высокие гражданские и военные власти не уставали в ходе всех церемоний демонстрировать это перед представителями Франции, размещая нас в первых рядах; множество раз Его величество выражал свое удовольствие видеть официальных представителей правительства республики. Со своей стороны, я убежден, что присутствие миссии придавало празднованию Столетия, по большей части, особый характер в том смысле, что все действия и все слова тщательно взвешивались или были нацелены на то, чтобы не дать нашей нации, сегодня дружественной и союзной России, какой-нибудь повод для законного раздражения»⁶³.

Торжества, прошедшие на Бородинском поле и в Москве в связи со 100-летием войны 1812 года, должны были иметь, как для русских, так и для французов продолжение. Прежде всего, надо было провести фактически вторичное открытие памятника на Бородинском поле, заменив временную модель на гранитный монумент. К истории о судьбе гранитных блоков, которые должен был доставить из Антверпена в Санкт-Петербург пароход «Курск», принадлежавший датской «Объединенной компании пароходства», и который затонул, не раз обращался ряд отечественных авторов⁶⁴. По

⁶² Ibid. P. 19-20.

⁶³ SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 14.

⁶⁴ Букреева Е.М. Указ. соч. С. 79-80; Хомченко С.Н. Указ. соч. С. 66-67; Бочков Е.А. «В интересах поддержания...» № 2(14). С. 241-242.

всей видимости, первая публикация об этой трагедии появилась в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 22 августа (ст.ст.) 1912 г. Во Франции пресса стала писать об этом тогда же – с 5 сентября (н. ст.). 10 сентября газета *Temps* сообщила важную новость: вместе с пароходом «Курск» потонули только гранитные блоки, а бронзовый орел, который должен был венчать пирамиду, все еще оставался в литейной мастерской⁶⁵.

Документы архива Исторической службы Министерства обороны Франции, к сожалению, дают только общую картину последующей истории памятника. На изготовление новых блоков пошли деньги, которые к сентябрю 1912 г. аккумулировались как в результате деятельности французского Комитета, так и полученные благодаря страховке первоначально перевозимых гранитных блоков. В мае 1913 г. переписка между организацией «Французская память», Военным министерством и Министерством иностранных дел Франции заметно оживилась. Военно-историческая общественность в лице «Французской памяти» всерьез была обеспокоена необходимостью срочного решения ряда проблем по установке постоянного памятника на Бородинском поле.

4(17) сентября в московской гостинице «Националь» состоялось совещание нескольких членов французского Комитета по возведению в России памятников, а также представителей французской колонии в Москве. На нем обсуждался чрезвычайно важный вопрос, который, казалось бы, возник совершенно неожиданно. Несмотря на заверения Джунковского о том, что проблема с землеотводом под французский памятник на Бородинском поле будет легко решена, и решение от 17 мая (ст. ст.) 1912 г. крестьянского схода о продаже 50 квадратных сажень (вначале за 120, затем в конечном итоге за 190 руб.) земли под памятник это будто бы подтверждало, вопрос возник снова. По информации, представленной капитаном Маршалем, оказалось, что, во-первых, эта земля за крестьянами дер. Шевардино юридически должным порядком не закреплена, во-вторых, совершенно не ясно, на кого можно оформить покупку земли, поскольку организация «Французская память» таким правом по российскому законодательству не обладает⁶⁶.

⁶⁵ Хомченко С.Н. Указ. соч. С. 67. С.Н. Хомченко предположил, что скульптором, создавшим орла, был А.-Л. Жоффруа (1844-1915).

⁶⁶ SHD. [Le Capitaine Marchal] Note relation... du monument français de Chevardino. S.l., 5(18) Septembre 1912.

Решение этой проблемы явно затягивалось. 23 ноября 1912 г. Комитет по возведению памятников французам, павшим в России, провел специальное заседание по этому поводу. На нем было зачитано заявление генерала Э.Ж.Ш. Пулео (Roulléau), президента «Французской памяти» и президента Комитета, о том, что еще месяц назад, 23 октября, на заседании общества «Французская память» было заявлено: вопросы о принадлежности памятника на поле битвы при Москве-реке и земли, на которой он стоит, будут разрешены усилиями г-на Поля Жиро из Москвы. Жиро должен был выступить как мандатарий «Французской памяти»⁶⁷.

Действительно, в феврале следующего, 1913 г., П. Жиро, директор крупнейшего в России предприятия по производству шелковых изделий «К.О. Жиро Сыновья», в качестве представителя французской колонии в Москве принимавший активное участие в открытии памятника на Бородинском поле, попытался решить эту проблему. Однако сделать это ему не удалось. Обратившись к главному нотариусу в Можайске с просьбой заверить сделку с покупкой у крестьян Шевардино земли, получил отказ. Нотариус заявил, что осуществить покупку можно только через французское правительство⁶⁸. Более того, крестьяне д. Шевардино заявили Жиро, что желают продать землю французскому правительству, но не Жиро как частному лицу⁶⁹.

В начале 1913 г. полковник Маттон должен был завершить свою службу в качестве военного атташе в России. Дела, связанные с памятником погибшим в 1812 г. в России французам, он перепоручил капитану Марешалю, срок стажировки которого в войсках московского гарнизона еще не завершился. Марешаль, по-видимому, и был инициатором собрания 4(17) сентября в гостинице «Националь», столкнувшись накануне с невозможностью официально оформить сделку по приобретению земли. Обращение Марешаля вначале к г-ну Кёхлину (Koeschlin), члену французской колонии в Москве и директору фабрики общества «Банилово (Banilovo)», представлявшему «Французскую память» в Москве, а затем и к П. Жиро, не привели к положительному результату⁷⁰.

⁶⁷ Ibid. M. Arqué, gérant le consulat général de France à Moscou à M. Georges Louis, Ambassadeur de la République Française à Saint Pétersbourg, 11(24) Février 1913. Copie.

⁶⁸ Ibid. C. Giraud – Capitaine Langlois (Paris). Moscou, 6(19) Février 1913.

⁶⁹ Ibid. M. Arqué, gérant le consulat général de France à Moscou à M. Georges Louis, Ambassadeur de la République Française à Saint Pétersbourg, 11(24) Février 1913. Copie.

⁷⁰ Ibidem.

Между тем, работы по изготовлению нового монумента для установки его на Бородинском поле вместо деревянно-гипсовой модели приближались к завершению. Предполагалось, что в течение марта 1913 г. они будут закончены. 11(24) февраля 1913 г. г-н Аркюе (Arqué), управляющий делами генерального консульства Франции в Москве, представил Ж. Луи, французскому послу в России, обстоятельную записку с изложением проблемы приобретения земли под памятник. Аркюе видел два варианта ее решения. Первый вариант – приобретение земли на имя «Французской памяти». В этом случае трудности, по его мнению, могли возникнуть из-за позиции крестьянского мира (*mir*), хотя это могло бы быть преодолено благодаря вмешательству русских властей (в частности, Джунковского). Кроме того, существует вопрос, может ли «Французская память» выступать в качестве владельца собственности (*à posséder*) в России? Этот вопрос Аркюе предлагал выяснить через посольство или генеральное консульство России в Париже. В крайнем случае, в качестве приобретателя может выступить генеральный президент «Французской памяти», либо президент московского отделения этого общества.

Второй вариант – приобретение земли на имя французского правительства. В этом случае важно, считал управляющий делами, решится ли на это само правительство. В случае приобретения земли правительством, оно могло бы затем передать ее обществу «Французская память». Но, как объяснял накануне г-н Аркюе г-ну Жиро, он не может взять на себя смелость сделать правительству подобное предложение (о приобретении земли). Аркюе давал понять Луи, что предложение такого рода должно исходить от самого посла⁷¹.

10 марта 1913 г. Жорж Луи, французский посол в России, представил Шарлю Жоннеру, министру иностранных дел Франции⁷², записку с кратким изложением обстоятельств дела (в тексте записки чувствовалось плохо скрываемое раздражение французского посла в отношении русских властей, которые организовали открытие монумента в присутствии царя и официальной французской делегации, а затем предоставили французам решать вопрос о его принадлежности). Луи указывал на нежелательность задержки с установкой монумента, но отметил, что генеральный консул

⁷¹ Ibidem.

⁷² Шарль Жоннер занимал пост министра иностранных дел всего два месяца – с 22 января по 22 марта 1913 г.

не может от имени французского правительства совершить подобную сделку⁷³.

21 марта Министерство иностранных дел в лице замещающего Жоннера Пьера де Маргери обратилось в Военное министерство с предложением завершить осуществление работ по установке памятников павшим в России солдатам Великой армии⁷⁴.

29 марта начальник Генерального штаба французской армии генерал Ж. Жоффри отправил военному атташе в Петербурге генералу П. де Лагишу письмо, в котором упомянул, что Петербург через Сазонова дает согласие на участие французского комитета в мероприятиях по открытию памятника и выразил заинтересованность французского командования в успешном завершении затянувшегося процесса установки этого монумента⁷⁵.

10 апреля из Министерства иностранных дел в Военное министерство было отправлено еще одно письмо, из которого следовало, что капитан Марешаль, вслед за Маттоном, также покинул Россию, и это в еще большей степени усугубило ситуацию с памятником на Бородино⁷⁶.

Только 7 мая 1913 г. Военное министерство уведомило французский Комитет в лице его генерального секретаря о согласии Военного министерства купить землю, на которой будет воздвигнут бородинский монумент. Вместе с этим в письме содержалась настоятельная просьба к Комитету оказать всю возможную помощь в оформлении покупки, в сооружении самого памятника и в его содержании⁷⁷. Ф.К. Ниссен, генеральный секретарь общества «Французская память», получивший это письмо, представил его генералу Пульё. 10 мая на заседании обеих обществ – «Французской памяти» и объединенного Комитета – текст протокола, где фиксировалось решение проблемы, был утвержден⁷⁸. 14 мая Министерство обороны было об этом уведом-

⁷³ SHD. M. Georges Louis, Ambassadeur de la République Française à Saint Pétersbourg à M. Jonnart, Ministre des affaires étrangères. Saint-Pétersbourg, 10 Mars 1913.

⁷⁴ Ibid. Le Ministre des affaires étrangères à M. Le Ministre de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Paris, 21 Mars 1913.

⁷⁵ Ibid. Le général Joffre - Attaché militaire à Saint-Pétersbourg (général Laguiche). Minute. Paris, 29 Mars 1913.

⁷⁶ Ibid. Le Ministre des affaires étrangères à M. Le Ministre de la Guerre. Paris, 10 Avril 1913.

⁷⁷ Ibid. Ministère de la Guerre à M. X. Niessen, Secrétaire général du Comité du Monuments de 1812. Paris, 7 Mai 1913.

⁷⁸ Ibid. Extrait du Procès-Verbal de la Séance du 10 Mai 1913.

лено⁷⁹, а 26 мая о варианте решения проблемы было доложено военному министру⁸⁰.

В аналитической записке, подготовленной по этому поводу 26 мая и подписанной Жоффром, была кратко изложена суть вопроса. Было отмечено, что проблему следует решать как можно скорее, ибо сам монумент (гранит и бронза) находятся уже по дороге в Россию. На документе стояла одобряющая резолюция военного министра Эжена Этьена⁸¹. В тот же день Военное министерство уведомило о своем решении Министерство иностранных дел⁸². 29 мая Жоффр сообщил Ниссену о том, что отдал распоряжение, чтобы военный атташе в Петербурге взял на себя функции генерального представителя Комитета в России и принял участие в предстоящем официальном мероприятии открытия монумента, хотя, как заметил начальник Генерального штаба, «это участие и не кажется необходимым в данный момент; оно, помимо прочего, провоцирует определенное соперничество, и трудности такого рода следует представлять»⁸³.

3 июня военный министр Этьен сообщил Ниссену о решении министерства, а также о том, что попросил Министерство иностранных дел адресоваться по этому поводу к генеральному консулу Франции в Москве⁸⁴.

В конечном итоге памятник на Бородинском поле был вторично открыт 26 августа (8 сентября) 1913 г. Высота памятника оказалась меньше, чем планировалось ранее (теперь 6,5 м вместе с орлом вместо 8 м), и пирамида на этот раз была высечена из более дешевого вогезского гранита. Более того, и сама церемония открытия памятника в 1913 г. оказалась достаточно скромной и даже скомканной⁸⁵. После заупокойной мессы и освящения памятника

⁷⁹ Ibid. X. Niessen, Secrétaire général du Comité du Monuments de 1812 à M. Le Ministre de la Guerre. Paris, 14 Mai 1913.

⁸⁰ Ibid. Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Minute. Rapport au Ministre. Paris, 26 Mai 1913. С 21 января по 9 декабря 1913 г. военным министром был Э. Этьен.

⁸¹ Ibid. Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Rapport fait au Ministre. Analyse au sujet de l'achat du terrain nécessaire à l'érection du monument français sur le champ de bataille de Borodino. Paris, 26 Mai 1913.

⁸² Ibid. Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau à Ministère des affaires étrangères. Direction des affaires politiques et commerciales. Paris, 26 Mai 1913.

⁸³ Ibid. Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau à M. X. Niessen, Secrétaire général du Comité du Monuments de 1812. Paris, 29 Mai 1913. Документ подписан Жоффром.

⁸⁴ Ibid. Le Ministre des affaires étrangères à X. Niessen, Secrétaire général du Comité du Monuments de 1812. Paris, 3 Juin 1913.

⁸⁵ Эта церемония достаточно убедительно описана Е.А. Бочковым (*Бочков Е.А.* «В интересах поддержания...». № 3(15). С. 177-178). По его мнению, на открытии памятника с

прозвучали краткие речи присутствующих, а затем перед монументом прошел взвод юнкеров Александровского военного училища. Оркестр того же училища исполнил «Марсельезу», после чего прозвучал русский гимн «Боже, царя храни» и раздались крики «ура». Попытки Е.А. Бочкова выяснить, был ли на этой церемонии кто-либо из официальных русских властей, окончились безрезультатно. Достоверно известно только, что на церемонии присутствовали чины саперной роты, выполнявшей работы на Бородинском поле, и что от русских ревнителей памяти войны 1812 года был возложен венок с надписью «Великой армии 1812 года».

Удалось ли установить памятники погибшим в 1812 г. чинам Великой армии в Вильно, на Березине и в Смоленске, как это планировалось ранее? Этого в те годы сделано не было. Одной из главных причин стало, по нашему мнению, то, что уже в 1913 г. военные власти Франции не только потеряли интерес к подобного рода мероприятиям, но и дали понять французской военно-исторической общественности об их нежелательности. Помимо достаточно прозрачных намеков в этом плане со стороны Жоффра, о чем мы уже упоминали, соответствующую позицию занял и военный атташе генерал Лагиш («сухой чопорный старичок, гордившийся своим аристократическим происхождением», как писал о нем русский военный агент во Франции граф А.А. Игнатъев). В письме к Ниссену от 29 мая 1913 г. по поводу сооружения памятника в Вильно генерал Лагиш прямо заявлял, что далеко не во всем одобряет активность своего предшественника полковника Маттона, считая, что проблема установки памятника таит в себе большую опасность как с точки зрения «соперничества народов, так и с политической точки зрения». По его мнению, у французской армии в эпоху Наполеона были более славные победы, чем в 1812 г., «к примеру, Аустерлиц, Йена и другие»⁸⁶.

Начавшаяся вскоре после торжеств, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 года, новая война (в России также од-

французской стороны присутствовал и.о. генерального консула в России Луи Арке, который и открыл церемонию, а также представители французской колонии в Москве и члены общества «Французская память». Однако в русской прессе упоминался также французский генеральный консул в Москве Энгелард. Е.М. Букреева полагает, что был и барон де Бай (Санкт-Петербургские ведомости. 1913. 27 августа; Русский инвалид. 1913. 29 августа; Московские ведомости. 1913. 27 августа; Раннее утро. 1913. 27 августа; Букреева Е.М. Указ. соч. С. 80).

⁸⁶ Ibid. Général Laguiche à X. Niessen, Secrétaire général du Comité du Monuments de 1812. Saint Pétersbourg, 29 Mai 1913.

но время называвшаяся Отечественной), Первая мировая (Великая война, как ее чаще называли и называют во Франции), актуализировала новые, далеко не всегда связанные с Наполеоновской эпохой, темы, сюжеты и воспоминания.

Только осенью 1975 г. вокруг памятника «Павшим Великой армии» на Бородинском поле будет сделано ограждение в виде невысоких гранитных столбов, удерживающих цепи. Ограждение планировалось сделать еще во время установки памятника, но это оказалось отложенным на много лет – до посещения Бородинского поля президентом Франции В. Жискаром д'Эстеном 17 октября 1975 г. В ознаменование этого визита на лицевой стороне памятника появилась соответствующая мраморная табличка.

Подведем итоги. В условиях приближавшейся мировой войны Россия и Франция оказались заинтересованы в поисках таких исторических основ, которые бы объясняли и способствовали взаимному сближению двух народов и двух стран. Как ни странно, но важнейшей страницей взаимной истории России и Франции при решении такого рода задачи стала война 1812 года. Стратегическая задача объединения сил против потенциального противника – Германии – и ее возможных союзников заставила государственные элиты России и Франции прибегнуть к тому, что сегодня носит название «переформатирование памяти». Документы свидетельствуют: инициатива реализации такого проекта исходила от российской стороны в связи с тем, что для русских события 1812 года вписывались в «память-победу», тогда как для французов это была «память-травма». Наконец, вследствие разницы в формах правления и политических режимов, а также разных моделей взаимодействия между государственными и общественными структурами, стороны проявили неодинаковую степень готовности к «мемориальному переформатированию». Впрочем, определенный исторический реванш за поражения в 1812-1814 гг. Франция уже взяла в ходе Крымской войны, и на рубеже XIX-XX вв. ее волновала травма более свежая, а именно травма франко-прусской войны. Французы уже давно отнесли к поражению Великой армии в России как к героической трагедии, которая делает большую честь даже не тому, кто выиграл, но тому, кто проиграл, тем более, что битва при Москве-реке всегда расценивалась французами как фактически безусловная победа.

Список литературы

- Бочков Е.А.* «В интересах поддержания наших сердечных отношений с Францией...» Участие французских делегаций в мероприятиях, посвященных столетию Бородинского сражения в 1912 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2 (14). С. 232-255; № 3 (15). С. 174-182. [*Bochkov E.A.* «V interesah podderzhaniya nashih serdechnyh otnoshenij s Franciej...» Uchastie francuzskih delegacij v meropriyatiyah, posvyashchennyh stoletiyu Borodinskogo srazheniya v 1912 g. // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2017. № 2 (14). S. 232-255; № 3 (15). S. 174-182].
- Бочков Е.А.* Памятник «Aux morts de la Grande Armée» на Бородинском поле сражения: история создания и установки // Военная история России XIX-XX веков. Материалы VIII международной военно-исторической конференции. СПб.: СПбГУТД, 2015. С. 149-164. [*Bochkov E.A.* Pamyatnik «Aux morts de la Grande Armée» na Borodinskom pole srazheniya: istoriya sozdaniya i ustanovki // Voennaya istoriya Rossii XIX-XX vekov. Materialy VIII mezhdunarodnoj voenno-istoricheskoy konferencii. SPb.: SPbGUTD, 2015. S. 149-164].
- Букреева Е.М.* Исследовательские поездки барона де Бая в Бородино // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: материалы междунар. науч. конф. Бородино: Музей-заповедник «Бородинское поле», 2015. С. 74-90. [*Bukreeva E.M.* Issledovatel'skie poezdki barona de Baya v Borodino // Borodino i osvoboditel'nye pohody russkoj armii 1813–1814 godov: materialy mezhdunar. nauch. konf. Borodino: Muzej-zapovednik «Borodinskoe pole», 2015. S. 74-90.]
- Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. 1-2. [*Dzhunkovskij V.F.* Vospominaniya. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1997. T. 1-2.]
- Назарян Е.А.* Участие МИД России в подготовке юбилейных торжеств 1912 г. // Бородино и Наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. Бородино, 9-11 сентября 2002 г. М.: «КАЛИТА», 2003. С. 404-409. [*Nazaryan E.A.* Uchastie MID Rossii v podgotovke yubilejnyh torzhestv 1912 g. // Borodino i Napoleonovskie vojny. Bitvy, polya srazhenij, memorialy. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 190-letiyu Borodinskogo

srazheniya. Borodino, 9-11 sentyabrya 2002 g. M.: «KALITA», 2003. S. 404-409.]

Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813-1814 гг. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 2. [Otechestvennaya vojna 1812 goda i osvoboditel'nyj pohod russkoj armii 1813-1814 gg. M.: ROSSPEN, 2012. T. 2.]

Хомченко С.Н. Французский памятник и юбилейные торжества на Бородинском поле 7-8 сентября 1912 г. в воспоминаниях полковника В.-А. Флёри //Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. Материалы XIX международной научной конференции, 7-9 сентября 2015 г. Бородино: Музей-заповедник «Бородинское поле», 2016. С. 57-69. [*Homchenko S.N.* Francuzskij pamyatnik i yubilejnye torzhestva na Borodinskom pole 7-8 sentyabrya 1912 g. v vospominaniyah polkovnika V.-A. Flyori //Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki, pamyatniki, problemy. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 7-9 sentyabrya 2015 g. Borodino: Muzej-zapovednik «Borodinskoe pole», 2016. S. 57-69.]

Dry A. (Colonel Fleury). Les monuments français du centenaire de 1812 et les Cérémonies de Borodino et de Moscou. Paris; Nancy: Lib. Mil. Berger-Levrault, 1912.

Kern E. Les commémorations de la réconciliation entre la France et la Russie (1812-2012). Saint-Denis: Edilivre, 2014.

VIVE L'EMPERIER! OPENING OF THE MONUMENT TO THE FALLEN SOLDIES OF THE GRANDE ARMÉE ON THE BORODINO FIELD

The article is devoted to the history of the construction and opening in 1912-1913 monument to Napoleon's soldiers who fell on the Borodino field. On the basis of French archival documents, first introduced into scientific circulation, the author identifies the actions of governments and public structures of France and Russia, aimed at using the celebration of the anniversary of the war to strengthen the allied relations of the two countries. The documents show: the initiative to implement such a project came from the Russian side due to the fact that for the Russians the events of 1812 fit into the “memory-victory”, whereas for the French it was “memory-injury”. Finally, due to the difference in the forms of government and political regimes, as well as different models of interaction between state and public structures, the parties showed unequal readiness for “memorial reformatting”. However, a certain historical revenge for the defeat in the years 1812-1814 France has already taken in the course of the Crimean War, and at the turn of the XIX-XX centuries it was worried about a more recent injury, namely the injury of the Franco-Prussian war. The French have long regarded the defeat of the Grande Armée in Russia as a heroic tragedy, which makes it a great honor not even to the one who won, but to the one who lost, especially since the battle of the Moscow River was always regarded by the French as a de facto absolute victory.

Keywords: Patriotic War of 1812, anniversary, France, Russia, national memory, reformatting of memory

*Vladimir Zemtsov,
Dr. Hab. (History), Professor,
Professor of the Department of modern and current history
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Head of the Department of General History
Ural State Pedagogical University*